

лирическое изображение личности, проникающее в тайники ее внутренней жизни, исключает идеального героя <...>. У Толстого <...> человек не остается во всех своих сторонах на одном нравственном уровне» [6, 142].

Таким образом, рецепция русской классической литературы в прозе Алданова позволила объединить его аксиологию с мировидением. Содержание творчества Алданова соответствует экзистенциальным запросам современника-эмигранта, пережившего исторические катастрофы и оказавшегося без веры.

Алданов выработал свой, на первый взгляд, эклектичный, но весьма оригинальный стиль – для изображения исторических и вымышленных персонажей, их идей, поступков. Этот стиль предполагает объединение приемов Достоевского и Толстого. Алданов преобразовал традиции русской классики, чтобы привлечь к своему творчеству массового читателя эмиграции.

Литература

1. Алданов, М. А. Огонь и дым / М. А. Алданов. – Париж, 1922. – 190 с.
2. Алданов, М. А. Собрание сочинений: В 6 т. / Алданов М. А. – М.: Огонек, 1991. – Т. 1. –
3. Алданов, М. А. Собрание сочинений: В 6 т. / Алданов М. А. – М.: Огонек, 1991. – Т. 2. –
4. Алданов, М. Загадка Толстого / Марк Алданов // Алданов М. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1996. – Кн. 6. – С. 19–140.
5. Берберова, Н. Люди и ложь. Русские масоны XX столетия / Берберова Н. – Харьков: «Калейдоскоп»; М.: «Прогресс-Традиция», 1997. – 400 с.
6. Днепров, В. Идеи времени и формы времени / В. Днепров. – Л.: Советский писатель, 1980. – 598 с.
7. Дронова, Т. И. Марк Алданов / Т. И. Дронова // Русская литература 1920–1930 годов. Портреты прозаиков: В 3 т.: Т. 1 Кн. 2 / Редкол. А. Г. Гачева и др.; ред.-сост. С. Г. Семенова и др. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – С. 440–539.
8. Карпович, М. М. [Рец. на кн.:] Алданов М. Истоки. Париж: YMCA-Press, 1950. Т. 1–2 / М. М. Карпович // Новый журнал. 1950. Кн. 24. С. 286–288.
9. Линков, В. Я. Тургенев – писатель социального реализма / В. Я. Линков // Тургеневские чтения: Сб. статей / [Управление культуры Центр. адм. округа г. Москвы; Б-ка-читальня им. И.С. Тургенева; сост. и научн. ред. Е.Г. Петраш]. – М.: Русский путь, 2006. – Вып. 2. – С. 9–27.
10. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина: В 4 т. – М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press; 1995–1997.
11. Русское Зарубежье = L'Emigration Russe: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общ. ред. Л. А. Мнухина: В 4 т. (5–8). – М.: Русский путь; Paris: YMCA-Press; 2000–2002.
12. Старобинский, Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1 / Жан Старобинский. – М.: Языки слав. культуры, 2002. 496 с.
13. Уральский, М. Молодой Алданов / М. Уральский // Новый журнал. – 2018. – № 292 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html>. – Дата доступа : 30.01.2020.

V.V. Shadursky

Novgorod State University Yaroslav the Wise
e-mail: shadvlad@mail.ru

Values of the writer Mark Aldanov

Key words: Mark Aldanov, emigration, ethical values, worldview, Dostoevsky, Tolstoy.

The article shows how the reception of Russian classical literature of the XIX century helped Aldanov to better express his axiology and worldview in the genre of the novel. The content of Aldanov's novels corresponded to the existential demands of contemporary emigrants who survived historical catastrophes and found themselves without faith.

Aldanov created an eclectic, original style - to portray historical and fictional characters, their ideas, and actions. This style allowed us to combine the techniques of Dostoevsky and Tolstoy. Aldanov transformed the traditions of Russian classical literature in order to attract the mass reader.

К.И. Шарафадина

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
e-mail: belkaklara@mail.ru

В.А. Андреева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
e-mail: anyana@mail.ru

УДК 82-1:76(=161.1)Pushkin

ПРОБЛЕМА ГРАФИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

(на примере изданий А.С. Пушкина)

Ключевые слова: А.С. Пушкин, массовые издания, стихотворные послания, рисунки поэта, графические контексты.

В статье ставится вопрос о графическом сопровождении поэтических текстов в массовых изданиях; описан опыт иллюстрирования посланий Пушкина рисунками поэта, показана неубедительность такого иллюстрирования на конкретных примерах и предложены альтернативные варианты графического сопровождения.

Задачи глубокой и содержательной трактовки изображаемых событий или предметов всегда были достаточно сложны и трудоемки для художника. Иллюстратор находит свои сюжеты и образы в тексте книги, которая сама может быть произведением искусства – литературы, в первую очередь художественной. «Поэтому книжная графика – иллюстрация зависит от содержания и формы того литературного произведения, для которого она должна быть выполнена, от той рукописи, которая соответствующим образом должна быть «прочтена» художником... это значит понять заложенные в ней идеи, найти те реальные основания, которые обусловили ее создание...» [1, с. 131]. Авторитетный исследователь «искусства книги» Ю. Я. Герчук видит проблему интерпретации текста, пути и границы вмешательства художника книги в том, что «...вмешательство это может быть деликатным и тонким, не покушающимся на самостоятельность читателя, или же, напротив, решительным, расставляющим резкие акценты... оно может быть обращено к сюжету, эмоциональному строю, стилистике, к отвлеченным идеям» [2, с. 7].

Рассмотрим примеры иллюстрирования поэтических текстов, которые как никакие другие требуют «деликатности и тонкости».

В некоторых изданиях сочинений А.С. Пушкина использован своеобразный принцип графического сопровождения текстов, когда в качестве иллюстраций использованы рисунки поэта. В основном эти рисунки имеют портретный характер.

Так, в первом томе 10-томного собрания сочинений А.С. Пушкина (издательство «Художественная литература») некоторые тексты проиллюстрированы следующим образом: «Разлука», 1817 – рисунок Пушкина, изображающий В.К. Кюхельбекера, переадресован из рукописи начальных строф пятой главы «Евгений Онегина», 1826 года; «Послание цензору», 1821 г. – автопортрет 1817 или 1818 года (датировка пересмотрена Т.Г. Цявловской, в собрании сочинений дается устаревшая датировка – 1826–1823 г.), переадресован с отдельного листа; «Гречанке», 1822 г. – портрет Калипсо Полихрони, 1821 г., переадресован с оборота листа с записью строк «Уж как пал туман седой на синее море...», подписан «А. Р. 26 Sept. 1821.»; «Князю А.М. Горчакову», 1817 г. – рисунок Пушкина, изображающий Горчакова, 1826 г., переадресован из черновой рукописи стихотворения «Андрей Шень» и строфы XXI главы пятой романа «Евгений Онегин»; «Наполеон», 1821 г. – изображение головы Наполеона, переадресовано из рукописи № 2369, лист 3/1, содержащей черновую заметку «Причинами, замедлившими ход нашей словесности...», датировка предположительная (1821 или 1824 год).

Закономерно возникает вопрос: насколько обоснована такая переадресация графического материала и его использование в функции иллюстраций. Для того, чтобы попытаться ответить на сформулированный выше вопрос, обратимся к конкретным художественным текстам. Напомним, что речь пойдет о жанре послания, портретная направленность которого предполагает возможность интересующих нас соотношений.

Послание «Князю А.М. Горчакову» 1817 года – одно из трех посланий, обращенных к этому адресату (лицеисту пушкинского выпуска) и составивших своеобразную *personalia*: «Князю Горчакову» 1814 года, послание 1817 года и «Послание к князю Горчакову» 1819 года.

Основная тема послания «Князю А.М. Горчакову» 1817 года («Встречаюсь я с осымнадцатой весной...») – элегические размышления лирического героя о предстоящей ему судьбе. Но эти размышления постоянно соотносятся с представлением об иной судьбе – адресата: «Удел назначен нам неравный... / Тебе рукой Фортуны своенравной / Указан путь и счастливый, и славный, – / Моя стезя печальна и темна...». Жанровая установка послания в данном случае реализуется в том, что общее элегическое настроение, в принципе всегда монологически замкнутое, как бы делится поровну. Не случайно стихотворение открывается целым рядом вопросов, сентенций, суждений, рассчитанных на сочувственное внимание адресата. Вслед за этим подчеркнутым вниманием лирического героя к адресату оправданно возникает его «лирический портрет»:

И нежная краса тебе дана,
И нравится блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.

«Краса», «дар», «ум», «нрав» — достаточно индивидуальные черты сами по себе, но в элегическом послании они сглажены общим элегическим колоритом, затушеваны элегическим «гримом» (это особенно ощутимо в характере эпитетов: «нежная» краса, «верный, милый» нрав), то есть «портретность» лирическая носит условно романтический характер.

Напомним, что этому посланию сопутствует в цитируемом нами собрании сочинений графический портрет адресата, А. М. Горчакова, переадресованный из черновых рукописей 1826 года.

Рис. 1. Князь А. М. Горчаков (Рисунок А.С. Пушкина, 1826 г.)

Насколько правомерно предлагаемое соотнесение портрета лирического и графического? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить отрицательно: графический образ «спорит» с поэтическим, в отличие от «красноречия» лирического портрета он характерен, индивидуален, по-пушкински лаконичен: слегка надменная складка у губ, острый прищур глаз за очками, характерный несколько вздернутый утиный нос, выступающий подбородок, высокий лоб с мягкими прядями волос, – изображение отнюдь не романтически условное, не эмблематичное, как в портрете лирическом.

Таким образом, возникает эстетический диссонанс между поэтическим текстом и графическим добавлением к нему и такая «иллюстрация» не оправдана, по нашему убеждению, тем, что нарушена особая художественная целостность.

Оправданной же нам представляется переадресация графического портрета Горчакова в другое послание, 1819 года, начинающееся характеристикой-«портретом» («Питомец мод, большого света друг, Обычаев блестящий наблюдатель...») и завершающееся лирическим портретом-характеристикой:

О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

Несколькими блестящими штрихами создан не только облик адресата, как в элегическом послании 1817 года, но образ, «идея» личности, ощущение ее незаурядности, причем комплиментарность характеристик, входящая в жанровый этикет дружеского послания, не исключает ее пронительности.

Индивидуальность же графического портрета иного рода: по сравнению с лирическим портретом, приглушена яркость, острота характеристики, но зато подчеркнута характерность, «интимность» облика. Тождественность невозможна, да и не нужна, зато наблюдается параллельность характеристик, что и дает возможность соотнесений.

Идеальным вариантом такого соотнесения будет, по нашему мнению, если этот рисунок станет графическим контекстом для всех трех посланий к Горчакову, тогда соотнесения возникнут и между самими художественными текстами, и между графическим и поэтическим образами.

Обратимся далее к примеру такого художественного текста, в котором соответствующая графическая параллель создаст новое приращение художественного смысла. Так, знаменитое послание Пушкина «И.И. Пущину» («Мой первый друг, мой друг бесценный!..») 1826 года во втором томе указанного издания сопровождается рисунком поэта, изображающим адресата, – Ивана Ивановича Пущина (переадресовано из черновика начальных строф пятой главы «Евгения Онегина», начало января 1826 г.).

«Визитной карточкой» этого послания служит хрестоматийно известная начальная характеристика-обращение: «Мой первый друг, мой друг бесценный!» Оказывается, ей предшествовало несколько вариантов. Если мы сравним варианты характеристики из первой редакции послания, датируемой 12 января – августом 1825 года, с окончательной редакцией 1826 года, то увидим, как уточнялся поэтом «портрет» адресата, как тщательно выбиралась интонация общения с этим, и никаким другим адресатом. «Мой давний друг» – холодновато-приглушенная; «нежданный гость, мой друг бесценный» – светски-вежливое «нежданный гость»... и высокое признание «мой друг бесценный»; наконец «мой первый друг, мой друг бесценный» – двукратное признание стало искренне-интимным, пронзительно-задушевным, располагающим к высокому откровению.

Так в послании возник психологический портрет адресата, как бы отраженный в зеркале авторского отношения, авторского переживания. Еще одним подтверждением «психологической реальности» адресата в этом послании становится тот факт, что первая редакция содержала многочисленные биографические реалии, связывающие автора с адресатом (тема «изгнания», тема Лицея), в окончательной же редакции почти все они ушли в подтекст, а оставшиеся («михайловская» встреча) стали эстетически значимыми.

Рис. 2. И. И. Пущин (Рисунок А. С. Пушкина, 1826 г.)

Но ушедшие в подтекст биографические реалии «воскрешаются» в графическом портрете адресата. То, что это профильное изображение Пущина жизненно достоверно, отмечал еще А.М. Эфрос, сопоставляя его с «приглаженными и принаряженными изображениями, подлощенными интерпретациями» других художников [4, с. 264]: лоб бороздят морщины, устало сжаты губы, волосы небрежно свисают на лоб, глаза полуприкрыты, во всем заметна неуловимая скорбность, трагическая сосредоточенность (рис.2). Если принять утверждение Т.Г. Цявловской, что именно таким увидел Пущина поэт во время михайловской встречи [3, с. 170], то графический портрет предстает действительно биографически достоверным.

Но если мы будем настаивать на таком соотношении графического и поэтического образа, характер которого можно определить как взаимодействующий, то придется пересмотреть саму функцию графического материала в поэтическом тексте. Ограничивать ее иллюстративностью неправомерно. Функция графического образа в поэтическом контексте (и, в свою очередь, расширение эстетической природы поэтического образа в графическом контексте) не иллюстрирующая, но комментирующая.

В данном же случае перед нами неповторимые пушкинские графические автокомментарии, или графические контексты.

Литература

1. Герчук, Ю. Я. История графики и искусства книги. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 320 с.
2. Художественное конструирование и оформление книги / Е. Б. Адамов, В. Я. Быкова, И. Ф. Бельчиков [и др.]; под общ. ред. А. Д. Гончарова. – М.: Книга, 1971. – 248 с.
3. Цявловская, Т. Г. Рисунки Пушкина. – М.: Искусство, 1986. – 446 с.
4. Эфрос, А. Рисунки поэта. – Academia, 1933. – 468 с.

K.I. Sharafadina

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
e-mail: belkaklara@mail.ru

V.A. Andreeva

St. Petersburg State University of Technology and Desing
e-mail: anyana@mail.ru

The problem of graphic accompaniment of poetic texts (on the example of publications by A.S. Pushkin)

Key words: A.S. Pushkin, mass media, poetic messages, poet's drawings, graphic contexts.

The article raises the question of the graphic accompaniment of poetic texts in mass editions; the experience of illustrating Pushkin's epistles with the poet's drawings is described, the unconvincingness of such illustrating with concrete examples is shown, and alternative graphic accompaniments are suggested.